

²² Работа Ф.Г. Сафронова была опубликована в том же году, что и книга самого Шункова (Сафронов Ф.Г. Крестьянская колонизация бассейнов Лены и Илима в XVII веке. Якутск, 1956. 210 с.).

²³ ГАИО. Ф.р-2683. Оп. 1. Д. 292. Л. 2.

²⁴ Там же. Л. 4 (письмо В.И. Шункова к В.Н. Шерстобоеву от 26 ноября 1956 г.).

²⁵ АРАН. Ф. 1555. Оп. 1. Д. 390. Л. 2–3об (письмо В.Н. Шерстобоева к В.И. Шункову от 5 декабря 1956 г.).

²⁶ Шерстобоев В.Н. Сельское хозяйство Ангаро-Илимо-Ленского края // Ученые записки Иркутского финансово-экономического института. Вып. 4. Иркутск, 1957. С. 3–9; Его же. О развитии сельского хозяйства в Ангаро-Илимо-Ленском крае // Сельское хозяйство Сибири (Омск). 1957. № 6. С. 15–18.

²⁷ Шерстобоев В.Н. Сельское хозяйство Ангаро-Илимо-Ленского края. С. 4.

²⁸ История Сибири и Дальнего Востока (в пяти томах). Проект проспекта. Новосибирск, 1961. С. 46.

²⁹ Шерстобоев В.Н. О историческом районировании Сибири // Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Секция археологии, этнографии, антропологии и истории Сибири и Дальнего Востока дооктябрьского периода: тез. докл. и сообщ. Иркутск, 1960. С. 39.

³⁰ Там же. С. 42.

³¹ Ср.: История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. Л., 1968. С. 19; Шиловский М.В. Историография Сибири... С. 674.

А.А. ИВАНОВ

В.Н. ШЕРСТОБОЕВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСТОРИИ СИБИРСКОЙ ССЫЛКИ XVII–XVIII вв.

Сибирская ссылка и каторга всегда привлекали внимание исследователей самого различного профиля. Эта тема активно изучалась специалистами русской научной школы как составная часть пенитенциарной политики и практики государства. Ученые-криминалисты, историки и тюрьмоведы М.Н. Галкин-Врасской, С.К. Гогель, П.К. Гран, С.П. Мокринский, А.А. Пионтковский, С.В. Познышев, А.П. Саламон, Н.С. Таганцев и многие другие подвергли всестороннему изучению правовые, организационные, хозяйственные и финансовые аспекты этого явления. Их интересовала в первую очередь эффективность функционирования института ссылки. В начале XX в. в результате многочисленных дискуссий, большая часть исследователей склонялась в пользу отмены ссылки на поселение и замены ее тюремным заключением, сопровождаемым обязательными каторжными работами. Ссылка в Сибирь, как и в северные отдаленные губернии страны, или на Кавказ, признавалась дорогостоящей и неэффективной.

Наряду с пенитенциарной политикой государства изучалась ссылка как таковая. Ученых интересовали социально-экономические корни этого явления, состав ссылки, хозяйственная жизнь крупных тюремных коллективов, вклад поселенцев в развитие различных отраслей промышленности и создание инфраструктуры, статистика.

После Октября 1917 г., с коренным изменением государственного строя, прежняя историография была объявлена буржуазной и оказалась во многом невостребованной. Приоритетные позиции в научных интересах историков заняла ссылка политическая, и прежде всего «деятельность» революционеров-большевиков в «сибирской неволе». Именно в это время в Иркутске, наряду с Томском и Новосибирском, стал складываться один из центров изучения истории тюрьмы, каторги и ссылки в Сибирь. Основы исследования этой проблематики заложили здесь еще В.И. Огородников, Б.Г. Кубалов, Ф.А. Кудрявцев, затем продолжили и развили А.В. Дулов, С.Ф. Коваль, С.В. Кодан, А.С. Кузнецов, Н.Н. Щербаков и другие.

В 1930–1980-х гг. под руководством этих ученых был детально проработан ряд сюжетов политической ссылки, связанных, в основном, с установлением форм, а также конкретного содержания влияния декабристов, большевиков и народников на местное, по большей части «демократическое», общество. На этом фоне издание капитального исторического труда Вадима Николаевича Шерстобоева (1949, 1957) должно было стать, но не стало, заметным явлением в региональной науке. По существу, ученый впервые в советской истории изучения этой темы предложил вернуться к лучшим традициям русской исторической школы и уделить должное внимание не политической составляющей (или не столько политической), а ее конкретно-экономическим аспектам, дающим ключ к правильному пониманию многих «неразрешимых» проблем, в числе которых, например, хроническая нехватка денежных средств на правильное этапирование и содержаниесылных и заключенных в Сибири, эффективность их производительного труда, проблемы приживаемости высланных, хозяйственное взаимодействие с крестьянским миром.

В 1940–1950-х гг. труд В.Н. Шерстобоева не был отмечен как научный прорыв и открытие «хорошо забытого старого». Долгое время к его работе историки относились (и в известной мере, относятся до сих пор) лишь как к ценному источнику, подтверждающему или иллюстрирующему яркими примерами заранее сложившиеся выводы. Нужно сказать, что книга Вадима Николаевича конечно же не свободна от веяний того времени: нет-нет, да и вырываются у автора гневные обличения царизма, превратившего Сибирь в край каторги и ссылки. Но могло ли быть иначе в советское время, когда любое научное положение, «выглядывавшее» из тесных рамок официальной идеологии нужно было согласовывать с Главлитом и отделом науки?

Тема ссылки государственных и уголовных преступников в Сибирь — казалось бы, узкая, специфическая, интересная лишь небольшому кругу специалистов. Однако если ее рассматривать как проявление закономерных взаимоотношений имперского центра и социальной, географической и экономической окраины страны, она обретает совершенно иное звучание и смысл. Наверное, В.Н. Шерстобоев прекрасно видел эту особенность, потому что осознавал, что центральное место в сибирской историографии XVII–XX вв. занимал вопрос освоения этого обширного края. Присоединение и заселение территории, взаимоотношения центра и окраины, общественно-политические движения, экономическое и культурное развитие, положение инородцев — все это суть производные одной общей проблемы — проблемы освоения Сибири.

Именно так относится В.Н. Шерстобоев к истории ссылки, видя в ней особенную — штрафную — форму освоения и заселения региона.

Казалось бы, в «Илимской пашне» собственно ссылке отведено лишь несколько параграфов. Однако — это первое и неправильное впечатление. Оно рассеивается, когда начинаешь читать книгу — с самого начала и до конца. Темой сибирской ссылки, ее роли в освоении громадной территории за Уралом, просто пронизана вся книга. Действительно, в истории края трудно найти сюжет, который был бы так или иначе не связан с уголовной или политической ссылкой — заселение территории, изучение природных ресурсов, строительство дорог и добыча сырья, общественно-политические процессы — везде ссыльные оставили заметный след. «Невольные гости» сделали для края много. Именно эту особенность сибирской истории и раскрывает В.Н. Шерстобоев в своей книге.

С первых страниц исследования автор предстает перед читателем как талантливый специалист-источниковед. Он отлично владеет навыками исторической хронологии, палеографии, сфрагистики и архивоведения, без видимого труда разбирается в особенностях и стиле памятников актовой письменности, определяет датирующие признаки любого документа. По мнению автора, архивоведческие изыскания облегчают и язык документов. Он «очень близок к народной русской речи. В нем почти нет слов, заимствованных из других языков. Объяснение этого нужно искать в том, что насельники Илимского края были преимущественно выходцами из севернорусских областей, не испытывавших влияния татарского ига, влияния Литвы, Польши, Турции, Неметчины и других народов и государств, способствовавших засорению русской речи...»¹.

В.Н. Шерстобоев — экономист по образованию — на зависть историкам умело распоряжается и специальными методами исторического исследования. Автор называет всего три — сплошное изучение документального фонда, сопоставление источников различного происхождения, «расчетный метод». Последний, на деле является, конечно же, методом математико-статистического анализа, оформившимся с прихо-

дом первых поколений ЭВМ. Можно добавить, что автор использует в работе и другой инструментарий: исторический метод, сравнительно-исторический, описательный, источниковедческого анализа.

С болью автор говорит об общей беде сибирских архивов — их плохом состоянии и незавидной сохранности. В этом В.Н. Шерстобоев определяет и одну из характерных особенностей сибирской истории: источники прошлого, в том числе и Илимского воеводства, носят здесь отрывочный, неполный характер, что не дает возможности создать исчерпывающую картину. «Одним из главных препятствий в изучении экономики Сибири XVII и XVIII столетий, — пишет автор, — является гибель губернских и уездных архивов, отражавших... местную хозяйственную жизнь...»².

Действительно, с приходом советской власти сибирские архивы испытали настоящее бедствие. Ценнейшие документы изымались из фондов хранения пудами и за недостатком писчей бумаги, шли в дело вторично: на оборотной стороне подлинных свидетельств XVII в. печатались или писались директивные решения местных партийных и советских органов, властных и хозяйственных структур. Есть примеры использования архивных документов и для ремонта пришедших в ветхость обоев.

Да и до Октября 1917 г. в деле систематизации и хранения документов не было последовательности. Прочитируем, например, нашего краеведа В.В. Птицына, так писавшего об отношении местных властей к городским архивам: «Относительно того, как политические ссыльные будут относиться к архивам, уже есть прецедент. Несколько лет назад Забайкальский губернатор г-н Барабаш разрешил проживавшему тогда в Селенгинске политическому ссыльному Шамарину заняться замечательным в историческом отношении городским архивом Селенгинска... Часть Селенгинского архива, и самая интересная, так как заключала в себя самые старые дела, еще ранее, по чьему-то приказанию была увезена из Селенгинска и сложена в соляных амбарах на устье Селенги в Чертовкинской пристани, где вскоре первое наводнение смыло амбары и погребло в волнах Байкала все архивные документы. Так этот господин Шамарин в полгода, почти без всяких средств, разобрал селенгинский архив, установил его по полкам по новейшей системе, в отдельном, хотя и деревянном, помещении, и составил подробнейший и превосходный каталог»³.

Однако главная особенность илимского архива, по мысли Шерстобоева, все же не в отсутствии систематизации, а в преобладании «тех первичных бумаг, которые в сильной степени отразили преимущественно мелкие стороны хозяйственного быта сибирской окраины. В этих старинных делах нет свидетельств о крупных исторических событиях, напротив, они касаются лишь незначительных, повседневных вопросов и рассказывают о рядовых, обыденных лицах»⁴. Именно о «рядовых» людях и рассказывает В.Н. Шерстобоев, закладывая по существу прак-

тику изучения истории повседневности сибирского крестьянина или помещанина, столь развитую в наши дни.

Исследуя состав населения Илимского воеводства, В.Н. Шерстобоев отмечает одну характерную черту: здесь не было столь четко выраженного сословного деления, сословной замкнутости и разобщенности: «Переход из одной общественной группы в другую совершался в начальные годы существования Илимского воеводства сравнительно просто и был обыденным явлением. Здесь гуляющий человек <...> поднимался подчас до положения сына боярского, а дети его превращались в пашенных крестьян, в хлебных обротчиков, даже в беглых, но могли остаться и служилыми людьми... Ссылные могли стать пашенными крестьянами, служилыми людьми или посадскими. Разделение на два основных класса..., столь характерное для России XVII и XVIII вв., не имеет прямого отношения к Сибири. Здесь не было бояр землевладельцев, не было и зависимых от них крепостных крестьян. Основное положение в обществе определялось не принадлежностью к сословию, а родом занятий»⁵.

Вместе с тем, у Шерстобоева нет и той определенной идеализации жизни и быта первых жителей Илимского воеводства, которая есть в определенной части отечественной историографии: мол, мужественные гордые и сильные люди во благо отечества осваивали «дикую» страну, не жалея своих сил, ежеминутно подвергая себя смертельной опасности, продвигали границы государства на восток. Шерстобоев больше внимания обращает на экономическую жизнь окраины, его интересуют, казалось бы, второстепенные черты этой повседневности. Однако эта история и есть подлинная история освоения земель. Именно пашенный крестьянин дал прочную основу военной и промышленной колонизации, его хлеб принес возможность содержать служилых и ратных людей, казаков, расширять территорию империи.

И опять же В.Н. Шерстобоев далек от идеализации общественных отношений того времени. По его мысли, государство вслед за ушедшими в новые земли русскими людьми «протягивает руку» не для того чтобы помочь им, а чтобы обложить «данью». По мысли автора, государство «связывает экономику всех общественных групп со своей государственной экономикой и ставит на службу ей все производительные силы общества. Отсюда проистекает регламентирование обязанностей населения и превращение его в полусвободное».

По всей видимости, автор негативно оценивает роль государства в освоении сибирского края, усматривая в его действиях лишь стремление не столько к расширению границ, сколько к эксплуатации, закабалению пришлых вольных людей: «Государство объявляет все завоеванные земли государевой землей, налагает на крестьян государевы поборы и повинности, переселяет новые отряды крестьян и ведет их всех к постепенному превращению в полусвободных государственных крестьян»⁶.

Но, занимая столь определенную позицию в отношении роли государственной власти в Сибири, В.Н. Шерстобоев при этом не вступает и в крупнейшую научную дискуссию, разгоревшуюся в историческом обществе в 1940–1950-х гг. Суть спора — «завоевала» Россия Сибирь или «присоединила». Исследователи того периода решали этот вопрос по-разному, неизменно обращаясь к вопросу другому, более «широкому» — была ли страна за Уралом колонией Москвы и Петербурга или нет? По каким-то причинам В.Н. Шерстобоев обходит эти острые споры. «Предлагаемая работа, — пишет автор во введении, — построена на понимании процессов развития илимского пашенного дела, как частицы истории русского крестьянства»⁷. Как можно предположить, Сибирь в его понимании — та же Россия, а государство проводит антинародную политику повсюду, учитывая и используя лишь местные особенности.

Впервые роль ссылки в хозяйственном освоении края В.Н. Шерстобоев особо рассматривает в главе VII «Некрестьянское население и его отношение к пашне», отводя этой теме целый параграф, который так и называется «Ссылные». «Илимский край, — пишет автор, — являлся типичным захолустьем, куда в течение почти 300 лет направлялись значительные партии лиц, сославшихся и за действительные преступления и за маловажные провинности. Для освещения вопроса о их роли в развитии илимской пашни имеется довольно хороший материал».

Приведенная цитата требует своего комментария. Прежде всего, автор определяет начальные границы ссылки в Илимское воеводство — «почти 300 лет», т.е. 1640-е гг. Значит, ссылные стали направляться в регион сразу же после завоевания территории русскими казаками и вольными людьми. Таким образом, автор штрафную колонизацию Сибири считает изначально существовавшей практикой государства наряду с вольным заселением.

Автор обращает внимание на одно из неперенных условий результативности штрафной колонизации — здесь, в этом действительно суровом краю, приживались в основном только семейные ссылные, именно они пытались как можно быстрее пустить в эту землю свои корни. В качестве примера приживаемости ссылных, автор анализирует положение «черкасы», подчеркивая их преимущество перед другими: «Сосланные в 40-х гг. XVII столетия черкасы были в большинстве случаев люди семейные; например, в 1644 г. из Енисейска прибыло 17 семей в составе 56 человек и 3 одиночек. Это были ссылные черкасы, которых поселили по Лене, и многие из них осели прочно и превратились в пашенных крестьян. В 1653 г. прибыло 18 семей (62 человека) и 5 одиночек. На одну семью в обоих случаях приходилось 3,3–3,4 человека. <...> Можно отметить, что среди бежавших в Даурскую землю пашенных крестьян в 1655–1656 гг. нет ни одного из тех, кто был в списке черкасов 1644 г.

Из общего числа 22 крестьян, бежавших в Дауры, только три человека было ссыльных крестьян и черкас. Бежали, конечно, холостые»⁸.

Ссылный на пашню должен был получать существенную поддержку от государства в виде ссуды, подмоги и льгот при уплате податей и повинностей. Автор не рассматривает, к сожалению, этот вопрос дальше, не анализирует, была ли на самом деле помощь государства в обустройстве ссыльных на новом месте. В действительности, такая поддержка оказывалась ссыльным далеко не всегда и зависела от благоприятного стечения многих обстоятельств. Важное значение имело, например, наличие у крестьянских обществ свободной пахотной земли.

Многое зависело и от самого ссыльного: в Сибири приживались люди хорошо знакомые с крестьянским трудом, умевшие грамотно распорядиться получаемой помощью. Понимая это, В.Н. приводит и характерную цитату из донесения воеводы И. Зубова, обвинявшего в 1672 г. часть ссыльных в праздности и бражничестве: «И твоя, великого государя, ссуда денежная и хлебная и лошади и пашенные заводы: ральники и косы, и серпы, и топоры, и всякие пашенные заводы теряютца. Покиня твою, великого государя, десятинную пашню, бегают безвесно, неведомо куды и ссуду и подмогу уносят. А поруки на них, бездомовых людей, в твоей, великого государя, ссуде и в подмоге, держать некому — ниhto не ручаетца. А ручающца друг по друге круговой порукою и все бегают»⁹.

Автор не только отслеживает судьбу ссыльных. Ему известны и их платежи. Например, согласно обнаруженных Шерстобоевым документов, в начале 1700-х гг. «все батраки из ссыльных платили по 1 четверти ржи в год хлебного оброка. Для тех, кто не обзавелся пашней или не занялся каким-нибудь ремеслом, этот платеж оставался неизменным в течение 20 лет».

Нередко судьба присыльных в Илимское воеводство людей определялась сугубо местными потребностями. Многие верстали в казачью службу. Они должны были восполнить «убыль» вольных служащих. Так, ссыльный Потап Кустов подал воеводе челобитную о зачислении в пешую казачью службу. Воеводская приказная изба дала по этому поводу подробную справку — сколько полагается жалованья женатому пешему казаку, чье место освободилось. При этом воевода распорядился приверстать Кустова в службу по Илимскому острогу вместо посланного в даурские остроги служилого человека Микиты Черемисинова, «в его оклад — денег 5 рублей, 2 чети полторы осмины ржи (2¾ чети), 2 чети овса, 1½ пуда соли в год. Воевода приказал привести Кустова «по чиновной книге» к вере, «приправить его имя в окладных имянных книгах и послать об этом ведомость в хлебный стол»¹⁰.

Очень часто ссыльный, просивший перевести его в службу, должен был найти поручителей. Так, Шерстобоев приводит поручную запись, согласно которой за человека, сосланного Илимск 10 лет назад, поруч-

чилились: сын боярский, казачий десятник и 4 служилых человека. При этом, поручная была очень проста: если ссыльный возьмет жалованье и сбежит, то с поручителей взыскивались все убытки. Как видим, сословные перегородки в начальный период заселения Илимской пашни были весьма прозрачны: за ссыльного простого звания поручались люди, облеченные немалой властью.

В понимании В.Н. Шерстобоева, роль ссылки в освоении края — не бросающаяся в глаза, а незаметная праздному взгляду. Это объясняется тем, что Илимское воеводство не коснулись масштабные мероприятия государственной штрафной колонизации, как это было, например, при заселении Восточного и Западного Забайкалья. Здесь государство стремилось одновременно поместить значительное количество ссыльных — речь шла об устройстве нескольких тысяч людей. Доля же ссыльных в общем населении Илимского воеводства всегда была незначительной.

Вместе с тем, ссылка так называемого московского периода имела свои особенности. Она была начата практически сразу же после похода Ермака за Уральский камень, при этом, служивых людей, казаков, детей боярских, отправляя в ссылку, по существу лишь перемещали на новые необжитые места, стремясь поручить им выполнение в «сибирской уkraine» трудных, важных и далеко небезопасных дел. Личные качества человека, его способности и знания, потребность в нем государства, а не его «вины», определяли и место наказания. При этом опальному ссыльному сохранялись все сословные звания и привилегии.

В качестве примера приведем сведения из тарханной грамоты царя Михаила Федоровича от 11 мая 1624 г. торговым людям Соли Вычегодской Березовским: «положил он, Лаврентейко, жалованную грамоту царя Василия Ивановича всеа Руси 116 (1607/08)-го году за прописью дьяка Василья Маркова, а в той грамоте написано: в прошлом 95 (1586/87)-м году послан был отец его Лаврентьев и он з братью с Москвы в Сибирь... и были в Сибири в тюрьме сидели 3 год; а после того они в Сибири ж у нашей царской казны у денег, и у мяжкие рухляди, и у пушечных запасов, и у денежной раздачи, и у всяких наших дел 17 лет безотступно» (*Корецкий В.И. Из истории заселения Сибири накануне и во время «смуты» (конец XVI—начало XVII вв.) // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма): сб. ст. памяти В.И. Шункова. М.: Наука, 1973. С. 38).*

Как видим, ссыльные, отсидев тюремный срок, занимались в Сибири ответственными государственными делами — ведали царской казной, следили за сбором ясака и денежными выплатами, — одним словом, продолжали служить царю в новых условиях. Вот почему, количество ссыльных этого периода точно установить в Сибири, в том числе и в Илимском воеводстве не представляется возможным — они могли быть и среди детей боярских, казачьих пятидесятников (как Демьян Много-

грешный в Иркутске, затем, Селенгинске), рядовых казаков, хлебных обротчиков, бездворных крестьян и даже богадельщиков. К последним, с большой долей условности, отнесем знаменитого протопопа Аввакума. В 1653 г. он за «многое безчинство» был сослан «з женою и з детьми в сибирский город на Лену». В декабре этого года Аввакум был в Тобольске, в конце 1655 г. — в Енисейске, в октябре 1656 г. — в Братском остроге. Протопоп вместе со всеми испытывал тяготы этого многотрудного похода — тянул лодки и нарты, несколько раз тонул, голодал.

С приходом XVIII в. связано начало ссылки петербургского периода. И в это время удаление в Сибирь «в службу, куда государь укажет» продолжалось, однако доминирующим становится ее массовый, колонизационный характер. Среди «присыльных» стали заметно преобладать так называемые «пашенные ссыльные». Они должны были обеспечить хлебом увеличивавшееся население Сибири, испытывавшее хроническую нехватку продовольствия. Такие ссыльные ценились особо, государство стремилось снабдить их ссудой на приобретение инвентаря, давало льготы при уплате налогов. Именно с пашенными ссыльными началось планомерное земледельческое освоение этой территории.

Изучение роли ссылки в хозяйственном освоении Илимского воеводства В.Н. Шерстобоев продолжает во втором томе своей работы. В ссылке нового XVIII в. автор выделяет иные черты. Поражает скупое, тщательное отношение автора ко всякому обнаруженному им документальному факту. Это качество позволяет часто проследить судьбу чуть ли не каждого ссыльного, а также составить, и своего рода, их социальный портрет. Так, по данным автора, в 1729 г. из Тобольска в Илимск «во крестьяне» был прислан 71 человек. Среди них оказалось: 39 солдат, 8 крепостных, 8 монастырских крестьян, 9 государственных крестьян, ученик полотняной фабрики, посадский и «церковник». Таким образом, почти 55% ссыльных этого года являлись бывшими солдатами, 35% — были из крестьян и 10% — из прочих сословий. Можно предположить также, что из общего числа ссыльных на пашню лишь каждый третий прижился на новом месте, остальные 2/3 самовольно отправились искать лучшей доли в иные места.

Советская историография всегда стремилась увидеть в сибирском ссыльном XVII–XVIII вв., некоего бунтаря, стихийного борца с самодержавием и крепостничеством. Конечно же, были и такие — общеизвестны факты высылки в Сибирь участников народных протестов и войн, — однако большая часть ссыльных попадали за Уральский камень действительно за совершенные уголовные преступления, среди которых немало было и особо тяжких. По данным Шерстобоева, из 71 ссыльного 16 были наказаны за разбой (22,5%), 11 — пошли в Сибирь за кражу (15,5%), еще 11 — за поджоги, ложные доносы, фальшивые паспорта и подделку денег и лишь 25 человек — сосланы за побег. (В

партии 1732 года из 190 ссыльных по «разбойному делу» высылались 58 — 30,5%). Все они перед отправкой в Илимск были подвергнуты соответствующему наказанию: у 34 человек вырезаны ноздри, у одного отрезаны уши, 20 биты кнутом, 16 — «наказаны», но как — неизвестно¹¹.

Среди ссыльных было немало и таких, кто нес свой крест каторжника по незначительным поводам, что также было свойственно той эпохе. Например, крестьянин Московского Вознесенского монастыря Бобылев «за послабление в рубке заповедных лесов и за презрение указов» был бит кнутом; кроме того, у него перед отправкой в Сибирь вырезали обе ноздри. Крестьянин вице-адмирала Синявина Савельев за ложный донос на приказчика и «на протчих», а также за произнесение непристойных слов получил «вечную» ссылку¹².

Характерная черта ссылки XVIII в. — большое число побегов, «скававшихся в нетях». В.Н. Шерстобоев верно подметил главную проблему отравляемых на пашню ссыльных — среди них практически не было людей, знакомых с крестьянским трудом. Посаженные на пашню, такие люди подавались вскоре в бега, какую-то часть возвращали, однако большая часть беглецов продолжала пополнять ряды бродяг и преступников. «27 августа 1702 года из Енисейска и Красноярска поступило 17 человек, по дороге из Енисейска бежало 6 человек. В числе этих удальцов один был «роздьяконом», а двое — «Кузнецкой слободы тяглеца Карпова жена Савостьянова Домна с сыном». Среди достигших Илимска находились: 4 крестьянина, 5 стрельцов, двое крепостных, один красноярский пеший казак, один «роздьякон» из Тулы, один подьячий и один тяглец. О двух сведений не оказалось».

Всего в 1700-1702 гг. в Илимск было направлено 69 ссыльных, из них 50 достигли места назначения, а 19 рассеялись, главным образом, бежали. В последующие годы из Илимского воеводства бежало еще 10 человек. Более или менее прочно устроилось, став пашенными крестьянами, 7 ссыльных.

На государеву службу верстались не только люди знатного происхождения, но и «простые» ссыльные. В.Н. Шерстобоев приводит несколько примеров подобной практики и по Илимскому воеводству. Так, бывший стрелец Петр Щегорин, благодаря своим организаторским способностям, умению читать и грамотно писать, сделал «головокружительную карьеру», быстро выдвинулся в первые ряды илимских служилых людей. Имя его не раз упоминается автором: «В 1707 г. он ведал одной из крупных и важных волостей — Киренской, затем до 1720 г. был приказчиком ряда других острогов и слобод, добился присвоения ему звания сына боярского и в 1721 г. илимскими служилыми людьми выбирается на должность камерира — для руководства всеми налоговыми сборами в Илимском воеводстве, а в 1722 г. назначается Иркутском надворным судьей. Он достиг того, что воевода адресовал письма к этому бывшему

присыльному не иначе, как: «благородному господину камериру Петру Ефимовичу»¹³.

Судьба колодников 1730-х гг. заметно отличалась от положения ссыльных начала века. Как считает, В.Н. Шерстобоев, большая их часть отдавалась зажиточным крестьянам в работники. Так, в партии ссыльных прибывшей в Илимск в 1732 г. в сопровождении капитана Греченинова, было 190 ссыльных мужчин, 16 женщин с 9 детьми, а также 6 вольных жен с 5 детьми. Все они были разосланы по волостям и отданы крестьянам в работу. Следовательно, в это время переход ссыльных в разряд служилых людей стал исключением, устроиться на государеву службу было гораздо труднее.

Ссыльные Илимского района привлекались к созданию материальной базы Камчатских экспедиций. В этот период ссыльных, пригодных к работе, направляли на строение судов и на сплав их по Лене. «Работа ссыльных на судах Камчатской экспедиции, — пишет В.Н. Шерстобоев, — приравнивалась указами к каторге. На тех же судах и при том же режиме, который был установлен для ссыльных, работали привлеченные местной властью служилые люди и крестьяне. Вся разница между свободными рабочими и ссыльными заключалась в том, что первые могли после окончания работ вернуться домой, а вторые сами сплавляли себя на север в вечное изгнание, на каторгу без срока»¹⁴.

Сколько ссыльных было занято в подготовке экспедиций? Исчерпывающего ответа на этот вопрос нет. В соответствующем разделе книги, Шерстобоев называет лишь отрывочные сведения: в 1733 г. из Енисейска в Илимск для подготовительных работ было принято 95 ссыльных. В июле 1735 г. прибыло еще 44 человека. В январе 1735 г. лейтенант Ендогуров для работы на дощаниках отобрал 131 ссыльного, а 148 ссыльных признал негодными «за старостью» и велел отпустить их «жить в тех местах у кого пожелают». Всего в 1735 г. на «судовую походную работу» было отправлено 615 человек всех чинов, в том числе 240 ссыльных (37,5%). Помимо этого, ссыльные привлекались на заготовках леса и постройке судов. «Главные работы по обслуживанию судов Камчатской экспедиции, — заключает автор, — выполнялись ссыльными»¹⁵.

Сколько всего насчитывалось ссыльных в этот период в Илимском уезде? Исчерпывающего ответа на этот вопрос также нет. Вот лишь некоторые сведения: в 1729 г. в Илимск поступил 71 ссыльный, в 1732 г. — еще 190 человек, в середине 1730-х гг. — на обслуживание второй Камчатской экспедиции прибыло не менее 300. При проведении в 1745 г. ревизии в Илимске было учтено 37 ссыльных, а в уезде — еще 340. Из них 55 человек обзавелись семьями, 21 ссыльный был зачислен в посадские люди, остальные батрачили или нищенствовали.

С середины века присылка ссыльных в Илимскую волость резко снизилась. В этот период в Яндинском остроге проживало 6, в Орленской

слободе 4, в Киренском остроге 2 («стары и древни»), в Чечуйском 5 «и оныя в работу не весьма надежны», в Карапчанском погосте — 3, в Братском остроге оставалось 4, в Барлуцкой слободе — 11 ссыльных. Все годные к работе ссыльные в это время были положены в подушный оклад и считались разночинцами или просто жителями. Далее, в течение 10 лет о ссыльных в делах воеводской канцелярии почти не упоминается¹⁶.

Как видим, большее количество ссыльных XVIII в. не имели собственного хозяйства, нанимались в работники к богатым и зажиточным сибирским старожилам. Немалая часть ссыльных устраивались на различные городские работы, со временем пополняя податные сословия. Они внесли весомый вклад в развитие экономики региона. Ссылный, приписанный к крестьянскому обществу, уже в третьем поколении, считался обычным сибирским крестьянином, однако он оставался на прежнем месте, и не возвращался в Россию, а значит, продолжал участвовать в освоении этого края. Более того, его предки с гордостью считали себя ссыльными, передавали предания об этом из поколения в поколение.

Как известно, второй том «Илимской пашни» был издан со значительными сокращениями: из 1790 страниц машинописи редактор оставил 1469. В числе неопубликованных материалов оказалась, например, глава «Наемный и несвободный труд», а из главы «Судебные дела и ссылка» исчезли очень важные для нас параграфы «Знатные ссыльные» и «Сылка беглых»¹⁷. Понятно, что именно здесь автор должен был развернуть и новые интересные сюжеты «ссылной» темы, и, вероятно, дать какие-то обобщающие цифры и выводы. Тем не менее, созданная в настоящей книге картина истории ссылки двух веков не может не поражать детальной проработкой нескольких очень важных сюжетов и фактической основательностью (например, род деятельности, материальная самостоятельность или зависимость, численность по отдельным периодам, половозрастной состав). Ну а хранящаяся в ГАИО неизданная часть рукописи Вадима Николаевича, ждет своего исследователя.

Примечания

¹ Шерстобоев В.Н. Илимская пашня: в 2 т. Т. 1: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. Иркутск, 2001. С. 13.

² Там же. Т. 1. С. 9.

³ Птицын Вл. Киренский архив. Б.м. Б.д. С. 5–7.

⁴ Шерстобоев В.Н. Илимская пашня... Т. 1. С. 9.

⁵ Там же. Т. 1. С. 118.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Т. 1. С. 13.

⁸ Там же. Т. 1. С. 510.

⁹ Там же. Т. 1. С. 511.

¹⁰ Там же. Т. 1. С. 516.

¹¹ Там же. Т. 2. С. 621.

¹² Там же.

¹³ Там же. Т. 1. С. 517.

¹⁴ Там же. Т. 2. С. 388.

¹⁵ Там же. Т. 2. С. 392, 393, 401, 403, 407

¹⁶ Там же. Т. 2. С. 621–625.

¹⁷ Майдачевский Д.Я. Неопубликованные страницы «Илимской пашни» // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2001. Иркутск, 2001. С. 68–69.

Е.В. РОЩУПКИНА

ЮБИЛЕЮ ПЕРВОГО ПРОФЕССОРА БГУЭП В.Н. ШЕРСТОБОЕВА ПОСВЯЩАЕТСЯ...

20 марта 2010 г. в Байкальском государственном университете экономики и права (БГУЭП) состоялся финал очередной, шестой по счету, студенческой олимпиады по истории экономики. Инициатором и организатором олимпиады выступила кафедра истории, экономических и политических учений. В этом году олимпиада была посвящена двум юбилейным событиям в истории нашего вуза — 110-й годовщине со дня рождения первого доктора экономических наук, профессора Вадима Николаевича Шерстобоева и 80-летию БГУЭП.

В.Н. Шерстобоев является одним из самых интересных и значительных историков-экономистов советского периода. Пытливый исследователь прошлого родного края В.Н. Шерстобоев оставил потомкам историко-экономическое наследие, не потерявшее научного значения и по сей день. Его фундаментальная работа «Илимская пашня» (в двух томах общим объемом 85 п.л.) занимает достойное место среди историко-экономических исследований не только региональной, но и всей российской экономической истории. Выступления В.Н. Шерстобоева в защиту сибирской природы, практические рекомендации по рациональному природопользованию, ведению сельского хозяйства, сохранению традиционного уклада жизни местного населения звучат актуально и в новом тысячелетии.

Научное сообщество Иркутска и всего Приангарья знакомо с интеллектуальной биографией, деятельностью и научными работами В.Н. Шерстобоева, прежде всего, благодаря историко-экономическим чтениям памяти ученого, которые ежегодно проводятся в БГУЭП с 1999 г. К сожалению, студенческая аудитория была мало знакома с именем и творчеством первого доктора экономических наук и профессора нашего вуза. Именно поэтому биографические факты судьбы В.Н. Шерстобоева, история написания и издания его «Илимской пашни», а также со-